

Андреев. – Нет-нет... Я ведь не состою в Красной армии и не могу быть комендантом. Я не ваш человек, и меня слушаться никто не будет. Моё назначение будет бесполезным.

Малов. – Ну, так чёрт с вами. Я и без вас устал. Вот уже четыре ночи не сплю...

Яхлаков. – Неужели вы хотите, товарищ Малов, чтобы женщины и дети пролетариата посылали вам проклятия за то, что вы оставили их беззащитными. Помните, что дома буржуев крепки, их пуль не пробьёшь. А ветхую лачугу рабочего пробивает любая пуля. Страдает рабочий, страдает бедняк...

Малов. – Ну, хорошо. Я назначу начальником охраны Радкевича⁴⁷³.

Тут же Малов на листке бумаги написал: «Приказ. Тов. Радкевича назначаю ис. об. начальника охраны по борьбе с преступностью в гор. Ростове и Нахичевани на Дону. Главнокомандующий арм. А. Малов. 7/V-1918 г». Перевернув листок, добавил на другой стороне: «Союзу увечных воинов предписываю быть в контакте с милицией и работать всецело по борьбе с преступностью. Главнокомандующий А. Малов».

«Вышли мы с вокзала, – вспоминает С-ый. – Член управы Яхлаков поехал разыскивать Радкевича, чтобы с его помощью получить от Малова людей и вооружение, а мы со штабс-капитаном Андреевым пошли спасать союз увечных воинов. Это было в 1 час дня. А в 7 часов и Малов, и его войска уже бежали в Батайск...»

Можно, конечно, сомневаться в словах автора статьи и в подлинности приводимых им документов. Да и представленный диалог в его изложении выглядит слишком уж патетическим. Но одно очевидно. Ростов, который, все понимали, Советы должны были оставить в ближайшие часы, погружался в хаос. Впрочем, всё это не имело уже решающего значения.

Ранее, 23 апреля (6 мая), Малов издал один из последних своих «боевых» приказов: «Всем начальникам эшелонов, – прописывалось в нём, – приготовить людей к бою и выставить на

⁴⁷³ Начальник 6-го милиционного участка, под командой которого в своё время служил А. Малов.

1½ версты от эшелонов застав[ы], а кавалерии отправиться в разведку в сторону Кизитеровки⁴⁷⁴.

Главнокомандующий армией А. Малов»

Но войсками, способными и желающими выполнить столь амбициозное распоряжение, Советы в Ростове уже не располагали. Большинство эшелонов находились далеко за Доном. Отставшие случайные составы торопились проскочить вслед за ними и на подобные приказы не реагировали. Решившие не покидать город рабочие-красногвардейцы, попрятав винтовки, разошлись по домам. Да и самой Советской власти фактически уже не существовало.

25 апреля (8 мая) немцы с запада, а казаки разъезды с севера приблизились к окраинам и беспрепятственно вошли в Ростов.

8.11. ГИБЕЛЬ ЭКСПЕДИЦИИ ПОДТЁЛКОВА

Идея отправки мобилизационной экспедиции не родилась и не была реализована спонтанно. Она вызревала в течение определённого времени, и явилась естественным завершением целой череды попыток проведения военно-мобилизационных мероприятий.

К моменту падения Донская республика практически не располагала собственной военной силой. И это не случайно. Те из рабочих, кто готов был сражаться за Советы, уже записались в Красную гвардию. Рассчитывать на обывателей, и без того разочарованных и обозлённых, тем более, на офицеров, явно не приходилось⁴⁷⁵. Оставались казаки. И. Горелов утверждает,

⁴⁷⁴ Так в тексте. Имеется в виду станция Кизитеринка, расположенная непосредственно у окраины Нахичевани.

⁴⁷⁵ Заслуживающие внимания соображения приводит Д.И. Рябышев. «Подтёлков, – пишет он, – мог произвести формирование войсковых частей из рабочих отрядов Александровск-Грушевского, Сулина (до 5 тыс. человек), из таганрогских рабочих (до 3 тысяч человек), из миллеровских, глубокинских, каменских, лиховских железнодорожников, ремесленников и крестьян-бедняков из прилегающих к станциям сёл (до 5 тысяч человек); в самом Ростове можно было призвать до 5 тысяч рабочих промышленных предприятий...»

что мысль об их мобилизации и воссоздании казачьего формирования, подобного «голубовской дивизии», подсказал Г.К. Орджоникидзе. Подобное предположение представляется весьма сомнительным. Но это и не столь важно. Кому бы ни принадлежала идея, Подтёлков за неё ухватился. Он прекрасно понимал, что в создавшейся обстановке влиять на ситуацию можно, лишь опираясь на штыки, а в их отсутствие его «президентство» в ближайшее же время станет фикцией. И осознавал также, что с каждым днём шансы на успех подобного предприятия уменьшаются.

Ростов и Новочеркасск к этому времени были отрезаны разгорающимся восстанием и подошедшими с Кубани добровольцами. О мобилизации казаков близлежащих станиц не могло быть и речи. Но север Области, Хопёрский и Усть-Медведицкий округа, как представлялось, ещё не были затронуты восстанием. Именно там Подтёлков надеялся развернуть мобилизацию фронтовых казаков и на вербовать их в количестве, достаточ-

Однако Подтёлков учитывал сильные сословные традиции на Дону и недоверчивость казачества к рабочим и иногородним. Поэтому он пока не мог опереться на эти силы».

Думается, впрочем, дело было не только в сословных традициях. Многочисленная, сохранившая боеспособность Красная гвардия Шахтного района и Каменской давно имела свою организацию и своих командиров. Красногвардейцы Ростова и Нахичевани постепенно разочаровывались в перспективах дальнейшей борьбы и явно тяготели к своим городам. К тому же, их ряды таяли с каждым днём. В той или иной степени, разложившиеся и анархистские отряды, засевшие на ростовском вокзале, могли ещё быть использованы для подавления выступлений в городе и ближайших окрестностях. Но направить их против немцев под Таганрог было невозможно. Вооружение в массовом порядке крестьян и иногородних в противовес казакам неизбежно разжигало гражданскую войну и увеличивало её масштабы в разы.

Но и не только это. Подтёлков прекрасно понимал, что как «президент» Донской республики он востребован ровно до того момента, пока способен олицетворять в своём лице лояльность донского казачества по отношению к новой власти и способность мобилизовать пусть даже и часть его на защиту Советов.

Лучшего способа, чем вновь организовать фронтовиков, не было.

Не стоит забывать, что Подтёлков, сам казак, в психологии пролетарских масс разбирался слабо. Напротив, с казаками, как ему представлялось, он всегда сумеет договориться. К тому же, в боевом отношении неподготовленные, необученные рабочие-красногвардейцы не могли, конечно, сравниться с прошедшими войну казачьими полками.

ном, если не для возвращения в Ростов, то для создания нового боевого участка.

Предполагалось, что если в январе удалось поднять часть казаков против Каледина, то удастся и в апреле против немцев. Высказывались ли при этом какие-либо сомнения и предостережения, неизвестно. Сам Подтёлков, человек способный на поступок, при всей своей осторожности и осмотрительности, предпочитал действовать напролом. Да и другого выхода не оставалось.

Была оформлена так называемая «комиссия пяти»⁴⁷⁶, уполномоченная проводить мобилизацию и расходовать в этих целях немалые денежные средства⁴⁷⁷. Для вербовки казаков привлекалась группа партийных работников⁴⁷⁸ и 20 казаков-агита-

⁴⁷⁶ В состав Чрезвычайной мобилизационной коллегии входили Ф.Г. Подтёлков, П.В. Алаев, В.И. Федорцев, И.А. Лагутин, К.Ф. Мрыхин.

⁴⁷⁷ По свидетельству А.А. Френкеля в находившемся при отряде денежном ящике насчитывалось до 10 миллионов рублей.

⁴⁷⁸ Среди них А.А. Френкель, А.Т. Фролов, А.И. Орлов, К.А. Кирста. О последних двух следует сказать особо. На их примере можно представить, сколь разные и с различной степенью ответственности за происшедшее, люди участвовали в экспедиции.

Александр Иванович Орлов был самым пожилым участником экспедиции и одним из старейших деятелей социал-демократического движения на Дону. В 16 лет он выехал в Украину и в глубинке пропагандировал свои взгляды, будучи народным учителем. Затем, став статистиком, Орлов, по словам Френкеля, «36 лет беспрестанно кочевал по России и мытарствовал, имея постоянно неприятности «от начальства» и не будучи в состоянии унять свой вечно беспокойный дух, не мирившийся с царившими в затхлой царской России мерзостями». В декабре 1917 г., очутившись в Ростове, участвовал в оборонительных боях за город с Калединым. К моменту формирования экспедиции занимал пост управляющего делами Донского СНК.

Полностью поседевший, носивший очки Орлов выглядел старше своих пятидесяти с лишним лет, и участники экспедиции называли его «дедушкой». «Умевший не в пример другим, – вспоминает Френкель, – по-детски сердечно и заразительно смеяться, дедушка Орлов был вместе с тем твёрдый и упорный человек. Он не знал никакого страха перед опасностями...

Во всё время движения нашей экспедиции Орлов упорно и упрямо отказывался участвовать в обсуждении предпринимаемых шагов, твердя, что он только солдат и всецело подчиняется комиссии пяти.

С таким же твёрдым упорством шёл, вероятно, этот скромный, но геройский седой старик, с душой юного революционера, и на смерть, открыто и презрительно бросая взоры ненависти и проклятий прямо в лицо своим палачам».

К.А. Кирста

на пути восстанием, можно было без труда достичь Урюпинской или Усть-Медведицкой, где и приступить к мобилизационным мероприятиям.

18 апреля (1 мая) эшелон экспедиции отошёл от ростов-

О Кирсте Френкель пишет следующее: «Константин Андрианович Кирста отправился с нашей экспедицией случайно при эвакуации.

По окончании в Новочеркасске кадетского корпуса, где отец его был воспитателем, он отправился в Петербург продолжать учение в политехникуме. Здесь он сразу попал в большевистские кружки и стал заниматься партийной работой.

Во время империалистической войны, поступив радиотелеграфистом на пароход, он отправился путешествовать в Англию и Америку.

Он рассказывал мне, как долго и много расхаживал по большим городам, разглядывая и изучая их высокие технические совершенства – лучший предвестник коммунистического народного хозяйства. Во время революции он сначала нёс партийную работу на Урале, где поступил рабочим на металлургический завод.

С конца 1917 года он появляется в Ростове, где нёс революционную работу до последних дней своих...»

Константин Кирста был очень молод. Ему едва ли успело исполниться полных 24 года.

⁴⁷⁹ Френкель, а с его слов и М.А. Шолохов, ошибочно полагали, что член экспедиции Подтёлкова Иван Антонович Лагутин участвовал также в переговорах с Калединым в составе делегации Донревкома. Это не так. Делегатом в Новочеркасске был его однофамилец Яков Назарович Лагутин.

⁴⁸⁰ Такое название постепенно закрепилось за мобилизационным отрядом. Первым об «экспедиции» упомянул Френкель.

торов во главе с И.А. Лагутиным⁴⁷⁹. Их охрану на первых порах должны были обеспечивать казаки бывшей, ещё времён съезда, Каменской местной команды. Всего в экспедиции⁴⁸⁰ насчитывалось до 130 человек. На момент разоружения оставалось около 100.

Судя по тому, что отряд следовал в эшелоне по железной дороге, предполагалось, во всяком случае изначально, продвигаться на Миллерово и Чертково. Затем, покинув пределы Области, повернуть у Лисок на восток. Оттуда, не подвергая себя риску быть захваченными

ского вокзала и вскоре покинул город. Несмотря на тревожные ожидания, Ростов всё же праздновал Первомай, и на вокзальной площади слышались звуки оркестра. До Новочеркаска⁴⁸¹ добрались сравнительно быстро. Но дальше продвигаться становилось всё труднее, а за Лихой и Зверевом⁴⁸²

⁴⁸¹ В Новочеркасске эшелон простоял некоторое время на запасном пути. Френкель объясняет задержку угрозами, поступавшими в адрес участников экспедиции и желанием Подтёлкова разобраться, насколько они серьёзны. Впоследствии, уже перед Лихой эшелон был обстрелян неизвестными.

Но вот что пишет Д.И. Рябышев: «...через Новочеркасск проследовал экспедиционный отряд Подтёлкова и Кривошлыкова, направлявшийся в северные районы Дона. Подтёлков и Кривошлыков предложили нашему отряду присоединиться к ним. Мы согласились и попросили предоставить нам возможность в течение двух часов подготовиться к выезду.

– Выезжаем незамедлительно. Из северных районов Дона пришли тревожные вести, – сказал Подтёлков.

И экспедиционный отряд без нас отправился в северные районы Дона, выполняя поставленные перед ним задачи».

Другие источники об этом эпизоде не упоминают, но следует признать следующее. Как у Подтёлкова, так и у командира отряда агитаторов Пономарева имелись свои резоны не объединяться.

Подтёлков не мог не понимать, что формирование эшелона для отряда, практически той же численности, что и его собственный, может занять куда больше двух часов. Последствия же серьёзной задержки были непредсказуемы. К тому же, увеличиваясь вдвое, экспедиция в ещё большей степени теряла мобильность.

Пономаренко же выполнял свои задачи, с экспедицией Подтёлкова никак не связанные.

Что касается упоминания Кривошлыкова, то в этом отношении Рябышев ошибался. Бывший комиссар по делам управления Донского СНК присоединился к экспедиции позднее.

⁴⁸² У Лихой к экспедиции присоединился Кривошлыков. Ранее он был послан на узловую станцию, вероятно, для уточнения обстановки, как представитель Донревкома. Из Лихой он докладывал в Ростов: «В 8 часов утра броневым поездом прибыл в Лихую. Каменский отряд в Замчалово, броневой поезд двинул в Репную... В районе Белокалитвенской действуют отряды Романовского с батареей и Пугачёвского. По Северо-Донецкой, у Плешаковского разъезда, разобраны пути. Необходимо туда послать отряд для восстановления путей. Командующий фронтом Кривошлыков».

Судя по тому, что источники практически не уделили этому эпизоду его биографии достаточного внимания, по тому, что Кривошлыков, бросив всё, сразу же присоединился к экспедиции и нигде не говорится о приёме-передаче дел, можно судить о масштабах боевых действий упомянутого им «фронта».

Кривошлыков был серьёзно болен. Его трепали непрекращающиеся приступы лихорадки.

пути уже были прочно забиты войсками. Занятие немцами 17(30) апреля Чертково самым непосредственным образом отразилось и на судьбе экспедиции. Отряды Щаденко покидали Каменскую. Опасаясь быть отрезанными, они спешили проскочить Лихую. За ними сплошным потоком двигались от Миллерова головные эшелоны 5-й армии Ворошилова. Пропускная способность железной дороги, и так недостаточная, оказалась превышенной во много раз.

С большим трудом, отстаиваясь часами на полустанках, преодолели ещё несколько перегонов⁴⁸³. Дальше продвинуться было уже невозможно. Движение осуществлялось только в одну сторону. Десятки составов с войсками и беженцами заняли оба пути, растянувшись в степи на десятки километров. Эшелоны то и дело останавливались. Красноармейцы выскакивали из теплушек и, не жалея патронов, стреляли вразнобой в появляющиеся временами германские аэропланы-разведчики.

К этому времени известие о занятии Чертково подтвердилось. Прорываться на Миллерово теперь не имело смысла. Экспедиция вернулась в общем потоке к Лихой и от неё повернула по железнодорожной ветке на Царицын⁴⁸⁴. Но и здесь положение было немногим лучше. «Переполнение путей эшелонами беспорядочно и панически отступающих партизан вызывали длительные стоянки и ожидания, – пишет Френкель. – Злоумышленные крушения поездов, порча пути, взрывы мостов, что с адской изворотливостью проделывали на каждой версте возмущившиеся казаки, – всё это вынуждало часто останавливаться, чинить пути и сваливать под откос ломаные вагоны и паровозы».

И даже, если задержки были вызваны не только и не столько «злоумышлением казаков», а элементарным развалом в условиях надвинувшегося хаоса и крайним износом подвижного состава, легче от этого не становилось.

⁴⁸³ Судя по отрывочным высказываниям современников, Подтёлков некоторое время ещё пытался двигаться в сторону Миллерова. Большинство же источников утверждает, что экспедиция, не добравшись до Каменской, повернула от Лихой к востоку сразу.

⁴⁸⁴ Ныне г. Волгоград.

Сразу за Лихой Подтёлков приказал покинуть вагоны и далее следовать походным порядком. На первый взгляд несколько авантюрное решение, если вдуматься, было вполне оправданным и едва ли не единственно возможным. Достоверной информации о том, в чьих руках находится участок железной дороги от Чира до Царицына, не было, и быть не могло. Восстание разгоралось. Даже командиры повстанцев не знали, какими силами будут располагать в ближайшем будущем, и на что этих сил хватит. Во всяком случае, перспектива быть отрезанными от Царицына, представлялась Подтёлкову более чем вероятной. Но и в Ростов возвращаться было уже нельзя. Со дня на день его должны были занять немцы.

Невозможно было провести мобилизацию и в близлежащих станицах. «Отчаянная кровопролитнейшая борьба кругом кипела, – пишет Френкель. – Красные партизанские отряды с большим трудом пробивали себе путь... отбивая железную дорогу у стремительно занимавших и портивших её казачьих банд. Окрестные станицы и хутора огненными языками пламени, загораясь от орудийных снарядов. Неспособное к оружию станичное население укрывалось в балках, долинах и степях.

Подтёлков видел безуспешность и безнадёжность всех попыток борьбы в обстановке массового контрреволюционного восстания и полнейшего разложения революционных партизанских отрядов».

Гражданский конфликт успел приобрести здесь такие масштабы и ожесточение, когда любой подрыв путей, любое враждебное действие вызывали в ответ немедленный расстрел станиц огнём артиллерии, недостатка которой в многочисленных эшелонах не ощущалось. Разумеется, виновных никто не искал, и станицы уничтожались без разбора. Неудивительно, что отношение казачьего населения к отходившим отрядам Красной гвардии, а, следовательно, и к экспедиции, вблизи железной дороги было сплошь враждебным.

План был прост: повернуть от путей круто на север и, двигаясь по просёлочным дорогам крестьянских волостей, выскользнуть из намечавшегося кольца окружения и выйти к гра-

ницам Усть-Медведицкого округа. Предполагалось при этом, что крестьяне лежавших на пути сёл будут настроены если не лояльно, то, по крайней мере, нейтрально. Что восстание ещё не проникло в северные округа, не затронутые междоусобицей, и удастся сразу же мобилизовать несколько сот фронтовиков. Всё это было, конечно, весьма зыбко и проверить, насколько задуманное соотносится с действительностью, можно было только на месте.

Однако, несмотря на возражения, высказанные отдельными членами экспедиции, Подтёлков настоял на своём. «Понимаешь, – говорил он, убеждая себя и других, – ведь эта контрреволюция казачья всё больше по темноте; перестрелять всех их нельзя, а побороть ведь необходимо. Ежели я опережу эту двигающуюся красную армию, прорвусь в северные округа (а там контрреволюции ещё нет; это я хорошо знаю), в три дня соберу 4 полка фронтовиков⁴⁸⁵, двину их против немцев и казацких белых банд, – тогда будет всё спасено. А если не успею прорваться, вместе с этими эшелонами туда докатятся и волны контрреволюции, и потом будет уже поздно...»

В Белой Калитве наняли подводчиков, и до разъезда Грачи экспедиция продвигалась вдоль дороги уже на телегах. Здесь Подтёлков имел разговор с Щаденко. Тот тоже отнёсся к его желанию уйти от железной дороги с большим сомнением, предложив оставаться в расположении его отрядов и с ними пробиваться на Царицын. Понятно, что среди многих тысяч красногвардейцев участники экспедиции могли чувствовать себя в относительной безопасности. Но о мобилизации казаков речи бы уже не шло.

Подтёлков предложения не принял. Следовать в чьём-то обозе и отказаться от активной борьбы и права принимать ре-

⁴⁸⁵ Непонятно, как Подтёлков собирался осуществлять командование такой массой войск. Ни он сам, ни кто-либо другой из участников экспедиции военными талантами того же Голубова не обладали. Вероятно, предполагалось договориться с офицерами среднего звена, сочувствовавшими Советам.

Впрочем, возможно, об управлении мобилизованными частями Подтёлков предпочитал до поры не задумываться, считая эту проблему уступающей в значимости остальным.

шения, в конечном счёте, от власти, он не пожелал. 22 апреля (5 мая) от разъезда Грачи экспедиция уходила от железной дороги в степь. «...Вереница пароконных подвод, – пишет И.П. Толмачёв, – вытягивалась медленно по шляху, в сторону от полотна железной дороги. Сбоку, придерживая шашки, шагали казаки-ездовые, а позади, на малой скорости, двигался легко-вой автомобиль с установленным на сиденье пулемётом⁴⁸⁶.

Подтёлков и Кривошлыков молча подошли к нам... Я невольно вспомнил нашу первую встречу с Фёдором Григорьевичем. Как изменился он с тех пор! Мало осталось от прежнего улыбочивого, огромного, чубатого казака. Весь он как-то сжался, ссутулился, широкоскулое лицо осунулось, казалось, стал ниже ростом...» Подтёлков осознавал степень риска, пожалуй, отчётливее многих других.

Поначалу, впрочем, всё складывалось благополучно. Непрерывная полоса крестьянских поселений протянулась вплоть до Усть-Медведицкого округа. Отношение неказачьего населения к участникам экспедиции, как и ожидалось, было приветливым и доброжелательным. Не возникало никаких проблем с жильём для днёвок и ночлега. Столь же легко удавалось закупать в необходимом объёме продукты питания и всё необходимое⁴⁸⁷.

Но внезапный переход от разгоравшегося у железной дороги гражданского конфликта к размеренной спокойной жизни мирных сёл таил в себе немалую опасность. Отряд Подтёлкова был собран из разных людей, по-разному относящихся

⁴⁸⁶ Судя по тому, что другие источники об автомобиле не упоминают, остаётся предположить, что, если таковой и принадлежал экспедиции, то был оставлен в одном из сёл из-за поломки или отсутствия горючего. Взамен его у тавричан приобрели тачанку.

⁴⁸⁷ Перед первым же селом Подтёлков, предупреждая возможные инциденты, остановил колонну и, подозревая команду, пояснил:

– Слушай сюда. Теперь мы будем ходить через деревни и станицы. Так смотри у меня, чтобы никого не обижать. За всё, что берёшь, надо платить. Насильно брать ничего нельзя. Женщин ни-ни, не смей обижать. Надо со всеми вежливо обращаться и всё по-братски разъяснять. Плохо будет, если кто провинится... Мы революционеры, и должны держать себя по-революционному, во всём подавая пример...

И происшествий не было. Во всяком случае, о каких-либо жалобах со стороны населения, ничего не известно.

к боевой подготовке, субординации и дисциплине. Сам Подтёлков, будучи председателем Донского СНК, осуществлял в большинстве случаев и командование. Но зачастую отдавали распоряжения и другие члены комиссии. А командир, начальник, обладающий всей полнотой власти, определён не был. Не была очерчена и структура. О боевых возможностях отряда, не разбитого на взвода и отделения, оставалось только догадываться. Как предполагалось управлять им в реальном бою, не совсем понятно. Вероятно, Подтёлков надеялся на решимость агитаторов и опыт казаков-фронтовиков. А ещё больше, на то, что экспедиции до мобилизации казаков, вступить в бой не придётся.

В любом случае отряд не являлся строевой частью. Переключки и поверки, судя по всему, если и проводились, то нерегулярно и не всегда. Для объявления распоряжений Подтёлков не выстраивал личный состав, а просто объявлял своё решение перед немногими собравшимися. Темп движения постепенно снижался. На расстояние, которое при желании можно было преодолеть за три дня, экспедиции потребовалось почти пять суток. Эти, как казалось, «мелочи» и привели вскоре к трагической развязке.

Впрочем, последствия проявились сразу же. Едва экспедиция углубилась в степь, её стали покидать казаки, уроженцы ближайших станиц. И отток их по мере продвижения к северу не прекращался. Уходили по одному, по двое. Используя предлог⁴⁸⁸, и безо всякого предлога. Были и отставшие, решившие переждать события в радушных крестьянских сёлах Донецкого округа. Всего отряд покинули свыше 30 человек. Какие-либо дисциплинарные меры не применялись.

Экспедиция достигла вначале Скосырской, а затем, продвигалась вдоль берега реки Берёзовой. В слободе Процыко-Берёзовской провели митинг. Заметно повеселевший Подтёлков, вновь уверовавший, что всё ещё может получиться, выступал с речью. Говорили и некоторые агитаторы. Население слуша-

⁴⁸⁸ Казаки просились «на побывку» и, вероятно обещали присоединиться к экспедиции позже.

ло молча, не выявляя ни явной симпатии, ни неодобрения.

На следующий день остановились в многолюдном селении Николаево-Берёзовском. Обстановка, казалось, благоприятствовала, и Подтёлков решил начать мобилизацию крестьян-фронтовиков. Однако из этой затеи ничего не вышло. Село было богатым и на казачьи земли не претендовало. Крестьян собирали на митинг у околицы, но подошли лишь старики, женщины и дети. Недавно пришедшие с фронта солдаты воевать не хотели. Ни один из них к экспедиции не присоединился. Фронтовики попрятались по домам. Никто их, разумеется, не искал.

У слободы Маньково-Берёзовской подводчики начали было проситься домой. С большим трудом, доплатив, удалось уговорить их сопроводить экспедицию до посёлка Рубашкино, населённого богатыми выходцами из Северной Таврии. Там предполагалось нанять новые подводы. Утром 26 апреля (9 мая) в одном из хуторов Поляково-Наголинской волости остановились на днёвку. В тот же день продолжили движение и вскоре пересекли границу Усть-Медведицкого округа.

Подтёлков выслал в Рубашкино квартирьера. Там он собирался заночевать и оглядеться. У хутора Свечникова на дороге попалась встречная телега. Молодой казак-фронтовик вёз домой жену и старика-отца. Он был при погонах и с кокардой на фуражке. В другое время и в другом месте Подтёлков, без сомнения, заставил погоны снять, либо сам сорвал бы их с плеч. Сейчас же об этом не приходилось и думать.

«Подтёлков, – пишет Френкель, – не преминул, конечно, остановить фронтовика и стал любовно его расспрашивать. На вопрос, почему он в кокарде и погонах, фронтовик стал в ответ жаловаться, что опять пошёл старый режим». Несмотря на приветливое обращение, казак прекрасно осознавал, в какой оказался ситуации, и старался лишнего не наговорить. Отец его, не проронив ни слова, сразу же отошёл от дороги. Не скрывая своей неприязни, он, исподлобья, зло смотрел на Подтёлкова. Неожиданно разговорилась казачка. Уверившись, что ей ничто не угрожает, она пояснила: «Вчера только позакрывали Советы, и опять пришло атаманьё».

Казачью семью отпустили с миром. Едва они отъехали, Подтёлков пробормотал: «Всё пропало. Мы опоздали на два дня. Теперь ничего не сделаешь...»

Вернувшаяся, было, весёлость, исчезла вмиг. А с нею, и надежда на благополучный исход. Едва ли не апатия постепенно начинала овладевать Подтёлковым. Возможно, он начинал понимать, что задержка экспедиции, по сути, мало что меняла. Настроение казаков на Верхнем Дону определялось уже не тем, кто и когда стал бы их агитировать. Для открытого выступления нужен был лишь только повод. Разгром Тираспольского отряда под Мигулинской привёл к немедленному свёртыванию Советов в близлежащих станицах. И словно круги, расходящиеся по воде от брошенного камня, день за днём распространялось всё на большей территории восстановление атаманской власти. Что касается спешной организации боевых отрядов, то её катализатором послужило появление самой экспедиции.

Ни о какой мобилизации в Краснокутской речи идти уже не могло. В лучшем случае, экспедиции позволили бы вернуться обратно. Но Подтёлков не мог знать этого наверняка и, несмотря ни на что, решил всё же двигаться дальше.

Заморосил и всё не прекращался дождь. Без каких-либо происшествий проехали Алексеевский хутор и приблизились к Рубашкино. Едва подводы стали съезжать с пригорка к посёлку, участники экспедиции заметили разбегающихся жителей. Мужчины, женщины, дети, вперемежку, пешком, на телегах и лошадях уходили в степь. Двигались они хаотично, в разных направлениях, стараясь, как можно скорее покинуть посёлок. Подтёлков и другие криками пытались их остановить, но без особого успеха.

Из крайней хаты вышел навстречу смертельно напуганный старик. Волосы его были взъерошены, шапку он держал в заметно трясущихся руках.

– Что, дед, али не узнаёшь, что свои? – обратился к нему Подтёлков.

– Мы ничего не знаем. Перед вами прискакал человек и ска-

зал, что едет большевик, расставит батарею и начнёт бить. Мы не знаем, правда, али нет, только страшно...

Слухи о расстрелах артиллерийским огнём враждебных большевикам селений и станиц, успели докатиться и сюда. И насколько часто подобные обстрелы производились, видно, хотя бы уже потому, что, едва услышав о приближении экспедиции, практически всё население Рубашкино, бросив хозяйство и дома, поспешило убраться прочь.

На вооружении отряда Подтёлкова, помимо трёхлинеек, находился один лишь пулемёт «Максим». Применение артиллерии исключалось в принципе. Другое дело, что посёлок вполне мог очутиться в эпицентре боевых действий, и жители прекрасно понимали, что перспектива поймать случайную пулю, становится вполне реальной.

Старика, насколько возможно, успокоили. Экспедиция въехала в посёлок. Здесь встретились несколько празднично одетых тавричан. Настроенные недоброжелательно, они молчали и не могли скрыть ехидных улыбок. На предложение послать гонцов и вернуть жителей в посёлок, последовал решительный отказ. Удалось лишь выяснить, что высланного вперёд квартирера увёз с собой казачий разъезд.

На буграх вокруг посёлка начали мелькать разведчики. Подтёлков окончательно убедился, что продвигаться дальше не только бессмысленно, но и опасно. Заночевать в Рубашкино он также не рискнул. Отряд повернул обратно.

Уже вечерело. Усталые и промокшие участники экспедиции находились в постоянном нервном напряжении. На протяжении всего пути их сопровождали, держась на почтительном расстоянии, не приближаясь и не отдаляясь, конные казаки.

У казаков и крестьян этих мест с давних пор установились добрососедские отношения. Им нечего было делить. Напротив, со временем наладилась взаимовыгодные экономические связи, а некоторые даже породнились. Неудивительно, что за пять дней движения экспедиции, слухи о ней успели распространиться. Наладить сбор разведданных в этих условиях не составило особо труда. Каких-либо предупреждающих мер Под-

тёлков не предпринимал. Экспедиция не таилась и не пыталась скрыть ни маршрута следования, ни своего состава и вооружения. Крестьяне же в свою очередь охотно делились информацией с казаками.

На хуторах «для поимки Подтёлкова» лихорадочно сбивались сотни и стягивались по мере готовности к Рубашкино. Здесь у холмов первоначально планировалась засада. Однако казачьи командиры, посчитав, что сил ещё недостаточно, в этот вечер напасть не рискнули.

Экспедиция между тем вновь проехала через Алексеевский хутор. Но если час назад население его не проявляло признаков беспокойства, то сейчас поселение напоминало растревоженный муравейник. Как и в Рубашкино, многие жители разбежались прочь. Уже на выезде наткнулись на старика, выведившего с подворья телегу с наскоро собранным скарбом. Следом, причитая и заламывая руки, попевала старуха. Своё бегство она объяснила тем, что проезжавшие двое верховых сообщили всем: «Уходите, а то большевики идут бить...» Старушка едва волокла ноги, поминутно останавливалась, держась за плетень. Агитаторы всё же как-то сумели её успокоить, старик-казак стал заводить телегу обратно.

Наконец, миновали холмы и выехали в степь. Здесь устроить засаду было бы куда сложнее, но казачьи разъезды продолжали отслеживать движение экспедиции. Подтёлков говорил Френкелю: «Видал, как они воюют... Но в бой они никуда не годятся. Красногвардейцы куда храбрее казаков, я это хорошо знаю: я их не раз водил в бой. В открытом бою любой красногвардеец победит казака. Только казак не идёт в бой, а со стороны окружит и нападёт, когда никто не ожидает этого, и панику наведёт. Ежели бы красногвардеец был так обучен, как казак, тогда мы скоро победили бы... Казаки, наверное, ночью нападут на нас...»

Думал ли так Подтёлков на самом деле или же старался подбодрить тех, кто представлялся ему более надёжными, но вольно или невольно он уже отделял себя от казачества. И это косвенно свидетельствует: на казаков председатель Донского

СНК больше не рассчитывал, полагая, что восстал не хутор, не станица, а практически всё казачье население Дона.

В хутор Калашников Поляково-Наголинской волости прибыли уже глубокой ночью. Подтёлков, горячася, убеждал спутников: «Только не спать. Двигаться. Здесь, вперёд, куда угодно... Но не спать, а то нападут врасплох...» Но уговоры его были напрасны. Измотанные люди разошлись по дворам. Продолжать движение было невозможно. С трудом удалось лишь выставить дозоры, положиться на бдительность которых было невозможно.

Неудачные попытки собрать казаков удручающе подействовали на Подтёлкова. В отчаянии он повторял окружающим: «Команда дорогой разложилась. К бою она не годится. А без команды сделать ничего не могу. Пропало всё...» Сам он почти не спал в ту ночь. Обходил и проверял расставленные пикеты. А потом, долго ещё сидел за столом в избе, отрешённо глядя в стену. Кривошлыков предложил собрать всех и уходить немедленно, но оба понимали, что сделать это не удастся.

Подъём произвели рано утром, и к 6–7 часам были уже готовы выдвигаться. Но тут выяснилось, что хутор со всех сторон окружён казаками. В бинокль хорошо было видно, как подходили и занимали оборону, перекрывая дороги, всё новые и новые отряды⁴⁸⁹.

⁴⁸⁹ В № 8 «Донской волны» неизвестный автор, не подписавший свою статью, так описывает эти события: «В шесть часов вечера 26 апреля в управление Краснокутской станицы был доставлен квартирьер отряда Подтёлкова казак Константин Мельников, который на допросе заявил, что Подтёлков идёт объявлять мобилизацию, красную гвардию считает сестрой Дона. Отряд Подтёлкова состоит из 119 человек, вооружённых двумястами винтовок, имеет несколько тысяч патронов и один пулемёт.

– Думает ли Подтёлков сражаться, если ему будет оказано сопротивление? – спросили квартирьера.

– До последней капли крови. Но Подтёлков не допускает и мысли, чтобы против него, как главы донской советской республики, кто-либо осмелился поднять оружие.

Квартирьер был арестован, а против Подтёлкова, который подошёл к посёлку Рубашкино, были двинуты два конных разъезда приблизительно по пятьдесят человек в каждом...

Через полчаса на площади было собрано всё мужское население станицы, вооружённое от ружей до вил включительно. Были посланы гонцы в соседние станицы, которые сейчас же присоединились к краснокутцам.

В избе, где остановился Подтёлков, члены комиссии и подошедшие агитаторы решали, что делать. Подтёлков, Кривошлыков и Фролов высказывались за дальнейшее движение. Большинство членов комиссии, Мрыхин, Алаев и Федорцев заявили, что это приведёт к бою «со своими же казаками», что недопустимо.

На переговоры приехал бывший атаман Алексеевского хутора. Фролову запомнилось, что был он в белом шарфе и выбрит наголо. Спросил: «Люди вы, чи ни?... Время теперь страшное, и нужно разузнать, что за люди, прежде чем пустить их». Подтёлков усадил его за стол, угостил чаем. Рассказал о целях экспедиции. Горячась, пояснял, что они и есть власть, казаками же на съезде избранная. И тот, кто восстаёт против власти, «поступает нехорошо» и заслуживает сурового наказания. Доказывал, что только при Советах наступит для всех «лучшая жизнь».

Старик-казак слушал его рассеянно. Видно было, всё, что говорил Подтёлков, мало его убеждает. Всё же, расстались вполне мирно. «Хорошо, – сказал атаман, прощаясь. – Видно, что ты казак. Видно, и с тобою казаки. Мы чуть не устроили кровопролития. Я пойду и скажу своим андреевским казакам...»

Всё это заняло немало времени. Алаев, меж тем, успел побывать у казаков. Не поставив в известность Подтёлкова, никем

Разъезды восставших добрались до посёлка Рубашкина и здесь узнали, что Подтёлков встревожен вспыхнувшим мгновенно мятежом против советской его власти и решил ночевать не в Рубашкине, а в двадцати пяти верстах от него, в слободе Поляковой. Стали редеть и ряды его защитников-конвойцев, и только сам Подтёлков обещал виселицы восставшим.

Проходя через имение войскового старшины Ушакова и видя качели, Подтёлков приказал их беречь:

– Завтра на них повешу бунтовщиков.

Войсковой старшина Ушаков оповестил об обещании Подтёлкова станицу Каргинскую, готовую к восстанию уже по извещению краснокутцев.

Отряд каргинцев под командой подъяесаула Цыганкова и Каргина пошёл в наступление на слободу Полякову.

И здесь, около слободы – последней резиденции Подтёлкова – встретились восставшие станицы. Прапорщик Спиридонов привёл хуторян – пономарёвцев, краснокутцев, подошли боковцы. Дымилась пылью дорога – то шли ещё чернышовцы.

Подтёлков был окружён восставшими казаками, сильными только гневом, но не оружием...»

не останавливаемый, он перешёл поле и оказался в расположении перекрывшей дорогу казачьей цепи. Там подробно рассказал об отряде. От казаков в хутор прибыл новый парламентёр, временно осуществлявший командование на этом участке урядник. Проехав по улице из конца в конец, раз и другой, он остановился, наконец, у квартиры Подтёлкова.

Завязался вполне доброжелательный разговор. Урядник рассказал, что накануне вечером у бугров казаки двух хуторов организовали засаду. Но нападать всё же не решились. В том числе и потому, что в экспедиции было немало крестьян-возчиков. В темноте при перестрелке любой из них имел шанс получить случайную пулю. Ссориться с соседями, жившими с казаками бок о бок многие годы, никому не хотелось.

Урядника пытались агитировать, объясняли ему, «как злостно их обманули контрреволюционные офицеры», и что они должны помогать комиссии, а не препятствовать её движению. Ничего на это не ответив, казак сел на лошадь и ускакал к своим.

Вскоре приехал другой. Он, наконец, огласил главное требование окруживших хутор казаков: отряду Подтёлкова оружие сдать. После чего, по его словам, экспедицию обещали беспрепятственно пропустить в Краснокутскую.

Тем временем, выяснилось, вдруг, что в хуторе имеется Совет. Обеспокоенные крестьяне выслали делегацию к казакам. Делегатов арестовали и избили, но, в конце концов, отпустили. Через них вновь передали, что настаивают на разоружении.

Когда кто-то стал убеждать Подтёлкова направить на переговоры к казакам свою делегацию, он вскипел:

– Как?! Ведь это контрреволюция! Какие могут быть с ними разговоры, с ними мы боремся. За мною! В цепь!..

Вспышка энергии на миг вернулась к этому человеку. Увлечённые его порывом, ещё 30–40 участников экспедиции с винтовками в руках последовали за ним к околице. На окраине, у бугра их нагнал член комиссии Мрыхин.

– Подтёлков, какой позор! – укорял он. – Против своих же братьев... Не надо кровопролития, столкуемся и так... Я был у

них вот с Федорцевым. Они поставили условием, чтобы мы сложили оружие, и они никого не тронут... Мы согласились и уже отдали свои револьверы.

– Кто вам позволил давать такое соглашение? – резко спросил Фролов. – Вас никто не уполномочивал.

– Вы уж молчите, товарищ Фролов. Вы не знаете фронтовиков, и вам, поэтому, всё равно, с кем мы будем проливать кровь, – ответил Мрыхин и обратился непосредственно к Подтёлкову. – Но дело сделано. Алаев остался в цепи с казаками и подробно договаривается об условиях⁴⁹⁰.

Цепь мгновенно распалась. Казаки-мигулинцы, которых в экспедиции было немало, обступили Мрыхина и уже расспрашивали его о настроении фронтовиков. Видно было, что вступать в бой с земляками они не собираются. Подтёлков, один, стоял, глубоко задумавшись. Позже, взвесив всё, и решившись, он выехал к окружившим экспедицию казакам. С этого момента в хутор мог беспрепятственно проникнуть, кто угодно.

«Начались длительные и томительные переговоры, – вспоминал Френкель, – обмены делегациями. Наш отряд разбрёлся по нескольким дворам. Посёлок стал заполняться пришлыми казаками. Суровые старики, держа в руках вилы, ломы, дубинки, стояли молча и дико смотрели по сторонам; вовлечь их в разговор никак не удавалось. С фронтовиками же мы много и оживлённо беседовали. Они нас понимали и как будто бы даже сочувствовали нашему предприятию.

– Мы-то понимаем, – говорили некоторые из них, – что такое большевик, меньшевик, социалист-революционер, что такое красная гвардия. Но всё это можно думать только про себя или вот вам сказать; у нас про это говорить нельзя, а то убьют. Опять по-старому пошло, – жаловались они. – Кокарды, пого-

⁴⁹⁰ Действия Мрыхина, Алаева и Федорцева, которые, не уведомив никого, по сути, повели «свои» переговоры о сдаче, можно объяснить лишь одним. Они были уверены, что, уж во всяком случае, казаков экспедиции фронтовики не тронут, и любыми способами старались не допустить боестолкновения. О том, искренне ли они считали, что дело можно кончить миром, или же пытались обезопасить, прежде всего, себя, остаётся только догадываться. Вероятно, именно близость родной Мигулинской станицы столь дурманящим образом подействовала на члена «комиссии пяти» казака Мрыхина.

ны... Вооружены плохо, у каждого десятого винтовка, и то в ней только пять патронов, а тут тащат в драку...

Прошло часа 3–4 беспорядочной сутолоки. Мы, казаки, и часть казаков были самым решительным образом против сдачи оружия. Но никто ни с кем не совещался. Наконец, часам к 11 вернулся Подтёлков, отправлявшийся на переговоры, и вместе с ним большая казачья делегация человек в 200. Впереди шествовал офицер Спиридонов, служивший когда-то вместе с Подтёлковым в одной батарее⁴⁹¹, а за ним двигался верховой казак с большущим белым флагом.

Начались беседы, приветствия... Казаки нашей команды узнали станичников, родственников, товарищей по службе; стали здороваться, христосоваться (дело было как раз на Пасхе); начались разговоры, расспросы... *Создалась такая атмосфера, при которой совершенно немыслимо было и думать о драке.*

– Чуть, было, не устроили бойни со своими же братьями, – стали поговаривать некоторые казаки из нашей экспедиции. – Мы упираться не станем. Ежели будут настаивать, мы сдадим оружие. Мы не боимся и без оружия пойти к своим же...»

Никто их не разубеждал. Вскоре Спиридонов, взявший на себя общее командование, стал собирать членов экспедиции.

– Все, кто в отряде Фёдора Подтёлкова, – усмехаясь чему-то, скомандовал он, – отойди налево, все прочие – направо. Ваши братья фронтовики вместе с вашей делегацией порешили, что вы должны сдать нам оружие, так как население боится вас с оружием. Сложите оружие на телеги, и мы его будем вместе с вами охранять. Мы даём вам наше братское слово фронтовиков, что доставим вас невредимыми в Краснокутский Совет, где вам вернут ваше оружие.

После минутного замешательства участники экспедиции подчинились. И хотя выделяться из общей толпы никому не хотелось, деваться было уже некуда. Казаки по одному, по двое начали переходить на левую сторону улицы.

Френкель отозвал Подтёлкова в сторону и шепнул: «Что

⁴⁹¹ Когда Фролов поинтересовался у Подтёлкова, что за человек Спиридонов и можно ли ему доверять, тот ответил: «Да он беспартийный, прапорщик, был честным человеком, и слово держал своё крепко».

мы делаем? Если сдадим оружие, они нас уничтожат...» В ответ тот пробормотал что-то невнятное. Страшное напряжение этого дня, наконец, оставило его. Взамен пришли безразличие и апатия. Всё было уже решено, и от него больше ничего не зависело.

Кривошлыков же молча стоял в у хаты, придерживаясь за стену. Лихорадка терзала его, скривив лицо в страдальческую гримасу. Он весь был в болезненном угаре и вряд ли отдавал ясный отчёт в происходящем.

Всё же часть отряда отказывалась некоторое время сдавать оружие. Но тут Подтёлков сам начал отговаривать людей от этого. Он был, словно в тумане, и действовал по принципу, скорее бы всё закончилось. Чем – почти уже и безразлично.

– Чего, товарищи, волнуетесь? – говорил он, отводя взгляд. – Мы договорились со Спиридоновым – все они фронтовики и обиды нам не сделают. Но ружья всё же придётся сдать. Кладите их так, чтобы можно было потом каждому найти своё...

«Началось самое ужасное, что было за этот роковой день... – пишет Френкель. – Началось разоружение нашей экспедиции, что длилось около часа. Наши товарищи очень вяло и неохотно сдавали оружие. Некоторые повынимали затворы из винтовок. Пулемётчик снял замок у пулемёта и ускакал из посёлка. Некоторые из нас, имея револьверы и патроны и не желая сдавать их, незаметно разошлись по дворам скрыть это оружие...»

Фролов и Френкель, одни из немногих уцелевших участников экспедиции, первый зло и с нескрываемой досадой, второй – в куда более мягкой форме, упрекают в разоружении Подтёлкова. Но, доказывая, что сдачи оружия нельзя было допускать, ни в коем случае, они не предлагают иного выхода.

Д. Делэрт высказывается ещё более категорично.

«Подтёлков слабо отдавал себе отчёт в том, что затевается... – пишет он. – Смелый революционер, честный красный солдат, он ещё не получил той революционной выучки и пролетарского чутья, которое могло бы удержать его от ошибки. Искренний, доверчивый, открытый, он никак не мог понять, что свои часто бывают чужими, и решил сам отправиться делега-

том к белым, чтобы разрешить столкновение мирным путём».

И с этим уже трудно согласиться. Подтёлков не отличался открытостью. Ещё труднее было заподозрить его в наивности и излишней доверчивости. Возможно он, казак, и не обладал обострённым «пролетарским чутьём», но зато успел обзавестись жизненным опытом и элементарным здравым смыслом. Лучше, чем кто-либо ещё Подтёлков понимал, что может произойти с экспедицией и с ним лично, сдай отряд оружие. Сам он с захваченными врагами расправился бы, как расправлялся не раз, без особой щепетильности.

Но что можно было сделать в создавшейся обстановке всеобщего, как представлялось, восстания? Один за другим рассматривались и тут же отвергались им планы спасения. Утром 27 апреля (10 мая) в окружённом казаками хуторе Калашникове таковых оставалось только два. Либо прорываться с неизбежным боем, либо сдать.

Год спустя, из окружённой повстанцами Вёшенской в похожей ситуации сумела уйти, избежав уничтожения, караульная красноармейская рота. Но это было строевое подразделение, спаянное дисциплиной, ведомое решительным, смелым командиром. В экспедиции же к этому времени произошёл разлад. Большая и наиболее подготовленная её часть уверилась, что воевать не придётся. К тому же, по крайней мере, три из пяти членов комиссии, предприняли действия, смахивающие на саботаж, если не на предательство.

В сложившейся ситуации Подтёлков в бою мог рассчитывать на 30–40 человек – агитаторов, чьим жизням, это понимали все, угрожала, куда большая опасность, и наиболее стойких казаков из команды, которые просто не считали возможным сдавать оружие.

На противоположной стороне, в перекрывших выходы их хутора цепях, находилось несколько сотен казаков. Пусть слабо вооружённых, зато вышколенных и выученных Великой войной. К ним постоянно подходили всё новые и новые отряды. Не приходилось сомневаться, разговоры разговорами, а начнись стрельба, они действовали бы решительно.

Результат боестолкновения, случись оно, предугадать было нетрудно. Экспедицию, вероятно, уничтожили в полчаса. Возможно, это заняло бы больше времени, но конечный результат сомнений не вызывал. И в этом смысле Подтёлков не был обманут. Просто он посчитал, что сдача оружия, при всей непредсказуемости дальнейшего, даёт куда больше шансов, чем открытое противостояние.

О том, что Подтёлков прекрасно понимал, чем это в итоге может обернуться, по крайней мере, для части его отряда, свидетельствует следующий эпизод. Френкель с Кирстой, спрятав в одном из дворов свои револьверы, уже направлялись к месту расположения экспедиции. Тут им повстречался Подтёлков, шедший зачем-то к своей тачанке. Поравнявшись с агитаторами, он незаметно, не поворачивая головы, произнёс на ходу: «Не ходите туда. Кто может, удирай...»

Эти слова, вероятнее всего, спасли Френкеля от смерти. Агитаторы ещё колебались. Христосование, дружеские беседы, по сути, братание фронтовиков с казаками экспедиции порождали определённые надежды. Предупреждение Подтёлкова отрезвило их мгновенно⁴⁹². Медленно, чтобы никто не заметил и не обратил внимания, они разошлись по дворам. Но если Френкель сразу покинул улицу и зашёл наудачу в крайнюю хату⁴⁹³,

⁴⁹² «Позже мы узнали, – пишет Френкель, – что товарищи предлагали и Подтёлкову скрыться, но он не согласился, зная, что это напрасно...»

⁴⁹³ Френкеля не выдали. Он отсиделся в крестьянской хате до темноты, потом, удостоверившись, что казаки покинули хутор, ползком, по полю добрался до слободы Фёдоровки, где неожиданно встретил Фролова. Тот, вовремя сориентировавшись, сразу ушёл из хутора к берегу реки, откуда и скрылся. Вдвоём они сумели наладить разведку, используя в этих целях крестьян-добровольцев, бывших солдат и знали, куда казаки увели разоружённых членов экспедиции. Но помочь товарищам ничем не могли. При всей благожелательности крестьяне не собирались братья за оружие и идти отбивать экспедицию.

Выяснилось, что таким же образом, затаившись, спаслись ещё 10–12 человек «подтёлковцев». Из членов «комиссии пяти» смерти удалось избежать лишь Федорцеву...

Спустя некоторое время Фролов и Френкель на крестьянской телеге прибыли в Скосырскую, занятую отрядами Щаденко. На многолюдном митинге, в котором приняли участие как местные жители, так и красногвардейцы, они рассказали о целях и задачах экспедиции, пути её следования и обстоятельствах гибели.

то Кирста решил укрыться на квартире, в которой ночевал. По пути он натолкнулся на конных казаков. Выдать себя за крестьянина, уроженца здешних мест, Кирста не сумел, и был отведён к остальным. К этому времени, беспрепятственно покинуть место сбора экспедиции было уже невозможно.

Казаки отделили её участников и, выстроив в колонну, повели по большаку. Поначалу конвоиры относились к этапируемым доброжелательно, даже давали желающим закурить. Но прибывали новые отряды, казаки которых не принимали участие в переговорах и братании. Их отношение оставалось враждебным. Наиболее озлобленные следовали рядом и ругали «подтёлковцев». Видя, что их никто не одёргивает, пустили в ход нагайки. При этом высказываемое возмущение приводило лишь к новым избиениям. Конвой не вмешивался и делал вид, что ничего не замечает. Как свидетельствует И. Горелов, по пути следования членов экспедиции стали обыскивать, а некоторых раздели до белья и заставили снять сапоги. Подтёлков и Кривошлыков оставались в обмундировании⁴⁹⁴.

Тем временем, вновь прибывшие командиры посчитали,

Во второй половине мая (начале июня) Френкель прибыл в Царицын, где присоединился к уцелевшим партийным и советским работникам Донской Советской республики.

⁴⁹⁴ В № 8 «Донской волны» неизвестный автор так объясняет резкое изменение в отношении казаков к конвоируемым: «Подтёлков сдал оружие и стал пленником. Арестовавшие его были настроены миролюбиво, но, как рассказывал «Донской край», когда Подтёлкова и его свиту доставили на ночлег, на хутор Пономарёв, выяснилось, что «подтёлковцы» сдали далеко не всё оружие. У них осталось тридцать семь револьверов и две ручные гранаты.

Один из арестованных, очевидно, не сдержавшись, вздумал бежать и выхватил револьвер.

Трудно описать, что произошло. Казаками, ещё недавно настроенными миролюбиво, овладело бешенство. Слишком ясен был план пленников: в степи воспользоваться малочисленностью конвоя, разбежаться, отстреливаясь.

Казака, у которого нашли револьвер, растерзали на месте...»

Думается, если кто-то и утаил от казаков личное оружие, это послужило лишь поводом. Ситуация изменилась. Из вооружённого отряда, способного оказать сопротивление, «подтёлковцы» превратились в толпу бессильных и беззащитных пленных. Безграничная власть над человеком и отсутствие какой-либо ответственности провоцируют к совершению самых неблагоприятных поступков. И далеко не каждый способен перед таким искушением устоять.

что всё имущество экспедиции является военной добычей, а обещания, охранять его, они не давали. Сложенные на телегах винтовки и шашки стали постепенно разбирать. Слух об этом распространился по округе довольно быстро, и из окрестных хуторов приехали поживиться, в том числе, и казаки, не имевшие к повстанцам какого-либо отношения. Брали сёдла, подпруги, табак, продовольствие, а под конец, не гнушались уже и личными вещами членов экспедиции, сложенными в узлах на отдельной подводке. До темноты рыскали по хутору казаки в поисках припрятанного оружия⁴⁹⁵.

Уже поздним вечером колонну «подтёлковцев» пригнали в хутор Пономарёв станицы Краснокутской Усть-Медведицкого округа. Усталых, избитых людей заперли на ночь в пустующей деревянной лавке. Был налажен простой, но эффективный учёт. Спиридонов, став в дверях с двумя казаками, пропускал участников экспедиции по одному и записывал их имена.

Лавка, не очень-то и просторная, не рассчитанная на такое количество одновременно находившихся в ней людей, оказалась забитой до отказа. Оставалась ещё слабая надежда, но все понимали, что жизнь их висит на волоске. Многие, погружённые в свои думы, так и не заснули в ту ночь. Иные пытались завести разговор, но он сам собой затухал.

Подтёлков, которого так и не обыскали, извлёк из нагрудных карманов гимнастёрки пачку банкнот и старательно разорвал их в клочки. Те из членов экспедиции, кто имел при себе некоторую сумму наличных денег для различных повседневных трат, последовали его примеру.

А в это время в одном из соседних домов заседал организованный на скорую руку военно-полевой суд, составленный из представителей хуторов, казаки которых участвовали в поимке и разоружении экспедиции. Вопрос стоял на повестке один, что делать с пленными? Заседали немалое время и постановили: участников экспедиции расстрелять, а Подтёлкова и Кривошлыкова, как главарей, – повесить.

⁴⁹⁵ Следует отметить, что денежный ящик экспедиции Спиридонов сразу же, как только отряд был разоружён, лично опечатал и под охраной отправил в Каргинскую.

Принятие этого решения поначалу встретило определённые возражения. Выборные от хуторов, казаки которых братались с «подтёлковцами», напомнили, что последним при разоружении были предоставлены вполне определённые гарантии безопасности. Большинство же делегатов заявили, что никакого обещания они Подтёлкову не давали, и, следовательно, трибунал какими-либо обязательствами не связан⁴⁹⁶. Довод был, по меньшей мере, весьма сомнительным, и многие это понимали. Тем не менее, решение о казни выборные приняли единогласно.

Столь жестокий и нелепый⁴⁹⁷ вердикт, принимаемый в явной спешке, не может быть объяснён только лишь обесцениванием человеческой жизни, озлобленностью казаков и возобладавшими среди выборных настроений «стариков». Думает-

⁴⁹⁶ В «Известиях Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов г. Москвы и Московской обл.» от 23 мая (5 июня) 1918 г. в заметке «Как умирают наши товарищи!» в частности говорилось:

«Киев, 3 июня. В полученном здесь номере «Рабочего дела», издающегося в Ростове-на-Дону, описана казнь наших товарищей. Сообщаем со слов офицера-очевидца казни большевика Подтёлкова некоторые подробности.

...26 апреля окружённый со всех сторон, недалеко от хут. Полякова Милютинской станицы (севернее стан. Морозовской), Подтёлков решил сдаться, причём, желая избежать лишнего кровопролития, казаки обещали ему дать свободу. Но в это время подошли новые дружины, которые, не решаясь отправлять Подтёлкова на суд в Новочеркасск, опасаясь его побега в пути, постановили его судить на месте.

Всю ночь заседал военный суд, который постановил: конвой, состоящий из 75 человек, расстрелять, а Подтёлкова и Кривошлыкова – областного комиссара по внутренним делам – повесить. Ночью арестованным удалось уничтожить бывшие при них деньги на очень крупную сумму. Наутро сперва были расстреляны казаки, а затем уже были повешены Подтёлков и Кривошлыков. Кривошлыков – совсем ещё юноша, всего лишь 2 года тому назад окончивший Персияновское сельскохозяйственное училище. Он сильно волновался, всё время несвязно говорил, что дело большевизма не погибло, что они умирают, как умирали мученики христиане, с верой, что их дело не погибло. Подтёлков был поразительно спокоен...»

⁴⁹⁷ Достаточно вспомнить, что трибунал даже не пытался создать органы дознания и выявить степень «вины» отдельных участников экспедиции. Формально всех казнили за то, что они «пошли вместе с Подтёлковым». Вероятно, среди «подтёлковцев» были и те, кто участвовал в реквизициях и расстрелах. Но также не вызывает сомнения, что определённая часть никакого отношения к репрессиям не имела. Однако казнили всех без разбора, скопом.

Не допросили даже Подтёлкова, и в результате, многое из того, о чём мы можем только лишь догадываться, он унёс с собой в могилу.

ся, всё решили чисто прагматические соображения. Никто не хотел брать на себя содержание арестованных, которое могло продлиться сколь угодно долго.

Известно, что было внесено предложение, отправить «подтёлковцев» под конвоем в Новочеркасск. Но осуществить это было затруднительно. И дело было даже не в возможном продвижении немцев. Продолжавшееся несколько дней упорное сопротивление рудничной Красной гвардии в районе Александровск-Грушевского не позволяло использовать в этих целях железную дорогу. Конвоировать же такое количество арестованных походным порядком, через степь, не рискнули.

Неясность обстановки, помимо всего прочего, предопределило участь «подтёлковцев». О том, кто, какими силами и с каким настроением контролирует тот или иной участок, оставалось только догадываться. Более того, судя по всему, выборные вполне допускали, что попытки освобождения арестованных, предпринятые либо крестьянами, либо своими же казаками-фронтниками, сочувствующими Советам, *не исключены*⁴⁹⁸. Именно поэтому, они торопились закончить всё, как можно скорее.

В итоге той же ночью было оформлено соответствующее постановление⁴⁹⁹, которое подписали все выборные. Чьё-либо особое мнение, выражающее несогласие с общим вердиктом,

⁴⁹⁸ И такие предположения не были лишены оснований. В эти же дни в Скосырской были получены известия о том, что Маньково-Берёзовская Красная гвардия нуждается в помощи. На выручку был отправлен отряд под командованием И.П. Толмачёва.

«В пути, – пишет Толмачёв, – мы узнали о гибели отряда Подтёлкова и Кривошлыкова в районе хутора Пономарёва. Печальную весть сообщил штабу чудом вырвавшийся из лап врага редактор газеты Донревкома Френкель. После выполнения боевой задачи нам предстояло свернуть в хутор Пономарёв и покарать злодеев.

Маньково-Берёзовский отряд удалось быстро освободить из осады. В это время красногвардейцы под командованием Щаденко и Харченко взяли станцию Милютинскую. Телефонная связь сохранилась... Щаденко распорядился: движение на хутор Пономарёв приостановить до полного выяснения обстановки, закрепиться и ждать указаний».

⁴⁹⁹ После исполнения приговора его вместе со списком казнённых просто выбросили. В стоге сена скомканные листки подобрал случайный прохожий. Впоследствии они попали к председателю Краснокутского ревкома А. Горохову и им уже были переданы в Донское бюро РКП(б).

зафиксировано не было. Судьба участников экспедиции решилась в пару часов.

Ранним утром на бугре за церковью охотники из «стариков» вырыли глубокую яму. Наспех сколотили виселицу. Срубали под корень два молоденьких невысоких деревца. Очистили от веток, оставив рогатки на макушке. Закопали за бугром неокрепшие стволы. Укрепили перекладину, перебросили верёвки...

Посмотреть на казнь собралось почти всё население хутора. Многие привели с собой детей. Некоторые, преимущественно, из иногородних, интереса поначалу не проявили. Но после того как по приказу станичного правления казаки проехали вдоль улицы, спрашивая оставшихся, отчего они не выходят из дома, «уж не за них ли», большинство решило не навивать себе неприятностей.

Вначале вышли Подтёлков с Кривошлыковым. Кривошлыков едва держался на ногах. Затем партиями по 20 человек стали выводить остальных участников экспедиции. Всё происходило просто и буднично. Восемь «подтёлковцев» становились у края ямы. Остальные ждали своей очереди. Тех, на ком оставалось обмундирование, заставили раздеться до белья. Одежду складывали тут же у края ямы.

Ф.Г. Подтёлков и М.В. Кривошлыков перед казнью

Расстрельная команда была сформирована Спиридоновым заранее, но нашлись и охотники, преимущественно, гимназисты и реалисты, пожелавшие к ней присоединиться.

Первую партию причащал подошедший батюшка. Остальные от причастия отказались. Некоторые не выдерживали и скатывались в яму, не получив смертельного ранения. В какой-то момент из неё выполз окровавленный казак и, пошатываясь, побежал прочь. В него стреляли, но попасть не могли. Казак был настигнут толпой, повален и забит насмерть лопатами.

После этого раненых добивали уже сразу. Особое усердие проявил сын атамана Каргинской станицы гимназист Каргин. Он стоял у края ямы и стрелял во всякого, кто подавал ещё признаки жизни⁵⁰⁰. Расстрелянных наскоро засыпали тонким слоем земли и выводили следующую партию.

В толпе едва различимый поднялся ропот. А когда раздались первые выстрелы, многие казачки поспешили увести детей от места казни. Вся неблагоприятность расстрела безоружных обманутых людей была очевидна. О том, что экспедицию разоружили, обещав её участникам жизнь, знали все. Среди казаков наверняка было немало сочувствующих «подтёлковцам», но решение о выступлении против Советов принималось хуторскими сходами, и они предпочитали молчать.

Не удержался лишь хуторской сапожник, иногородний. Когда его под угрозой расправы принуждали идти к месту казни, он не вытерпел и с досады вдруг крикнул сопровождавшим его казакам: «Никогда вам не победить Красной гвардии!» Чтобы решиться на такое, надо было обладать особым мужеством либо потерять чувство реальности и на время утратить инстинкт самосохранения. Казаки опешили, сапожник побежал домой за хранившимся револьвером. Вскоре он был схвачен, отведён к яме и расстрелян вместе с очередной партией «подтёлковцев». Звали сапожника⁵⁰¹ Михаил Лукин.

⁵⁰⁰ Спустя год Каргин был выявлен и военно-революционным трибуналом 15-й Инзенской дивизии, занявшей Краснокутскую, и приговорён к расстрелу.

⁵⁰¹ И. Горелов утверждает, что М. Лукин был хуторским почтарём.

Подтёлкова с Кривошлыковым казнили уже после гибели большей части отряда. Никем не охраняемые и не задерживаемые, они могли расхаживать тут и там. Раз за разом подходил Подтёлков к товарищам, стараясь их ободрить. Но слова оставались лишь словами, потеряв перед лицом скорой неизбежной смерти какое-либо значение.

– Благослови, товарищ Подтёлков, – обратился к нему один из казаков.

– Иди, брат, спокойно в могилу. Скоро и они пойдут туда же, – ответил Подтёлков, указывая на расстрельную команду.

Вдруг, в толпе хуторян он увидел знакомое лицо. Подойдя к сослуживцу-батарейцу, сказал негромко:

– Помнишь, на Миллеровой станции я тебя от большевиков выручил? Вызволяй теперь меня!

Тот беспомощно развёл руками. Видимо, Подтёлков действительно оказал в своё время немалую услугу казаку, но что он мог...

– Дак, ты же тогда большим начальством был. А я что? Я простой казак, ничего не поделаю...

– И я теперь простой казак... – выдохнул Подтёлков обречённо.

И всё же даже в этой безнадёжной ситуации он сумел стряхнуть с себя оцепенение и, как мог, продолжал бороться за жизнь. Раз за разом подходил Подтёлков к толпе казаков и пытался их переубедить. Он полагал, что является хорошим агитатором. Во всяком случае, умел найти общий язык с казаками и завести разговор.

Его обычный запанибратский, с наигранной доверительностью и ухмылкой тон был явно не к месту. Подтёлков выискивал иной, суровый и отчаянный, импровизируя на ходу. Но лозунги и призывы он при всём желании изменить не мог. А они давно уже перестали завораживать казаков. Призрачный мираж, столкнувшись с неприглядной реальностью, рассеялся. И взамен, ни придумать, ни предложить ему было нечего.

Но Подтёлков всё продолжал говорить. Замолкал. Отходил.

Возвращался вновь. Казаки молчали. Лишь кто-то из «стариков», выкрикнул из толпы:

– Где Богаевский?

– Не знаю, – ответил Подтёлков понуро. И добавил с вызовом. – Должно быть расстрелян...

– Про Богаевского не знаешь, так про тебя-то знаем. Нагулялась твоя головка на белом свете...

Всё же агитация Подтёлкова не осталась совсем уж незамеченной. Число охотников в расстрельной команде заметно прибавилось.

Кривошлыков также говорил. Но как-то прерывисто, вяло и бессвязно. Ругал офицеров и повторял одни и те же захватившие его воображение слова. Сравнивал себя и всех тех, кто пошёл за Советами с первыми, мученически погибшими христианами. Предрекал, что за их смертью вскоре последует и гибель палачей.

Вспомнив, что он не один на белом свете, Кривошлыков достал из кармана шинели карандаш и листок бумаги. Опершись на колено, написал родным вначале письмо, а затем, рифмованное четверостишье⁵⁰². После чего снял часы и невнятно спро-

⁵⁰² Вот текст письма: «Папаша, мама, дедушка, бабуня, Наташа, Ваня и все родные!

Я пошёл бороться за правду до конца. Беря в плен, нас обманули и убивают обезоруженных.

Но вы не горюйте, не плачьте. Я умираю и верю, что правду не убьют и наши страдания искупятся кровью...

Прощайте навсегда! Любящий вас Миша.

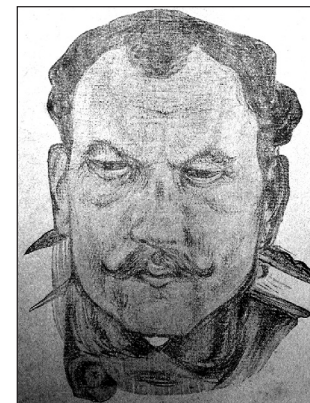
P.S. Папаша! Когда всё утихнет, то напишите письмо моей невесте: село Волки Полтавской губернии, Степаниде Степановне Самойленко. Напишите, что я не мог выполнить обещание встретиться с ней».

Его вызвался передать казак хутора Конькова Боковской станицы Михаил Аленкин, и слово своё сдержал. Через некоторое время он привёз отцу Кривошлыкова письмо и на словах сообщил, что листок с рифмованным посланием взял подесаул Попов, а часы – казак Щегольков. Мать Кривошлыкова позже ездила в Астаховский хутор и просила Щеголькова вернуть дорогу для неё вещь, оставшуюся, как память о сыне. Щегольков заявил, что часы были сломаны, и он сдал их в починку. Обещал, сразу же по получению, отдать. Спустя две недели он погиб в бою с красногвардейцами.

Что касается листка с рифмованной строкой, то вот что пишет о нём Френкель: «Это письмо раздобыл и доставил мне отправлявшийся на Дон во-

сил: «Есть кто из хутора Ушакова?» Ему никто не ответил, многие и не расслышали.

– Кто может сестрёнке Наташе часы на память передать? – раз за разом повторял он надломленным рыдающим голосом. Казаки не отвечали, спешили отвести взгляд. Искажённое лицо Кривошлыкова как-то вытянулось и превратилось в застывшую маску. Было в нём то, что заставляло казаков раступить перед Кривошлыковым, что отличает человека, тронутого дыханием смерти. Наконец, нашёлся охотник, выборный Василий Щегольков из соседнего с Ушаковским хутора Астахова.

Ф.Г. Подтёлков

Торопясь, подхватил часы и тут же скрылся в толпе.

Хуторской учитель, бывший народник, имевший фотографический аппарат, сделал несколько снимков⁵⁰³. Поначалу фотографировал издали, с ближайшего бугорка, и Подтёлков какое-то время его не замечал. Но учитель, выискивая лучший ракурс, подошёл поближе, и Подтёлков, возможно, сам того не желая⁵⁰⁴, повернулся и взглянул в объектив в упор. Учитель от-

времена красновщины для подпольной работы тов. Д. Ерохин; но, к сожалению, оно вместе со многими другими документами осталось в поезде, атакованном и захваченном казаками во время отступления из Миллерова».

Однако смысл четверостишья в памяти Френкеля отложился. В послании Кривошлыков успокаивал семью, просил родных «не горевать и не беспокоиться, так как он со спокойной совестью умирает за счастье трудового народа».

⁵⁰³ Сохранились, по крайней мере, две фотографии.

⁵⁰⁴ По непонятной причине фотографиями Подтёлкова в бытность председателем Донского СНК мы не располагаем. Широкую известность приобрёл рисунок с натуры, выполненный Леонидом Кудиным, выезжавшим делегатом Войскового правительства в Каменскую.

История появления рисунка такова. Кудин, временно проживающий в общезнании Войскового правительства, 12 января 1918 г. встретил в коридоре Подтёлкова, прибывшего в Новочеркасск во главе делегации Донревкома и обратился с просьбой «зарисовать его». Подтёлков отнёсся к этому настороженно, но Кудин пояснил:

– Видите ли, я зарисовываю для журналов вождей казачества, а как вы, я полагаю, уже крупная политическая фигура, а в будущем... Понимаете?

шатнулся. Беспредельная жила в глазах Подтёлкова тоска. Но, вместе, с ней, и удивление, и досада. Будто незадачливый народник отвлек его от чего-то важного и сокровенного, уже, казалось, найденного и вмиг ускользнувшего.

Позже, когда всё уже закончилось, учитель попытался сфотографировать тела всех казнённых, сброшенных в яму. За это он едва не поплатился головой. Разъярённые «старика» готовы были учинить самосуд, и лишь заступничество знакомого офицера и понимание, что другого учителя не найти, спасли его от скорой расправы.

А Подтёлков вновь приблизился к казакам. Собрав волю в кулак, он в очередной раз попытался переменить судьбу. Скулы его обострились на почерневшем лице. Маленькими быстрыми глазками Подтёлков, казалось, всё примечал, но ни за что не мог ухватиться. Ничто не сулило ему спасения.

– Братья, отцы! – кричал он, указывая на своих товарищей. – Что вы делаете? Кого убиваете? Осмотритесь! Не в них надо стрелять!..

Но толпа угрюмо молчала...

Расстреливали уже последнюю партию участников экспедиции. Подтёлкова с Кривошлыковым повели к виселице, возле которой суетились два казака, лица которых были сокрыты башлыками⁵⁰⁵ Подтёлков шёл сам. И сам надел петлю себе на шею.

– Одно только, – успел крикнуть Подтёлков, перед тем, как подьесаул Попов ногой выбил из-под него табурет, – к старому не возвращайтесь...

Огромное его тело, провиснув, всюю тяжестью устремилось вниз. Тонкие гибкие деревца, не выдержав, прогнулась. Подтёлков, вытянувшись в струнку, дотянулся пальцами ног до земли.

– А? Как ты думаешь? – повернулся Подтёлков к Кривошлыкову. – Стоит? Тот не возражал, оставляя решение за Подтёлковым. Сказал лишь, что это утомительно и займёт немало времени.

Но Кудин обещал управиться за 15 минут, и Подтёлков уступил. Вскоре работа была завершена. Подтёлков рисунком остался доволен. Он вежливо поблагодарил Кудина и даже расписался в углу.

⁵⁰⁵ И. Горелов называет их имена: Веденей Голубев и Соловьёв.

– Эх, Василь... Степаныч... – прохрипел он, обращаясь к Попову. – Не научился...

Лопатами стали подрывать под ним землю. Верёвка всё туже сдавливала шею, кровь густо прилиwała к лицу. Подтёлков как-то сразу обмяк и затих.

Кривошлыков бился в руках урядников-атаманцев до последнего. Потеряв под ногами опору, худощавый и жилистый, он раз за разом подтягивал к подбородку колени и, будто маятник, раскачивался на перекладине. Молодое тело его сопротивлялось подступившей вплотную смерти до конца. Веденей Голубев приобнял Кривошлыкова за плечи и вместе с ним повис. Хрустнули шейные позвонки. Тело Кривошлыкова уже не раскачивалось. Он бы мёртв⁵⁰⁶.

«Вскоре, – пишет И. Горелов, – палачи обрезали верёвки, бросили в яму тело Кривошлыкова, а потом Подтёлкова. Подтёлков упал на бок. Могила была тесна для его огромного роста, и ему лопатой согнули ноги. Головы друзей лежали рядом. На шее у каждого остался обрывок верёвки.

Есаул Сенин, проходя мимо, пробасил:

– Верёвки снять... Грешно...

В яму прыгнул старик. Сняв верёвки и оглядевшись вокруг, он выпростал из-под тела Кривошлыкова полу измятой шинели и прикрыл ею синие от недвижимой крови лица казаков...»

Экспедиция Подтёлкова своё существование на грешной, уже тронутой кровью земле, прекратила.

⁵⁰⁶ «И здесь, – пишет В. Севский, – у смерти Подтёлков, малограмотный социальный чернозём, дал урок мужества образованному Кривошлыкову. Тот нервничал, Подтёлков был спокоен».

Справедливости ради, следует заметить, что Севский вряд ли учитывает состояние Кривошлыкова, терзаемого лихорадкой. И то, что он был так ещё молод.